

Владислав Пасечник

Родился в 1988 году. Окончил АлтГПУ и Барнаульскую духовную семинарию. Магистр образования, лауреат премий «Дебют» (2011) и «Молодая проза России» (2020). Преподавал в АлтГПУ (2014-2018 гг.) и колледже Алт ГУ (2020-2021). С 2021 года по настоящий момент — диакон РПЦ. Живет в Барнауле.

КУДАЙГА БАШ!

Вечер опустился на Чолукой сизой печной дымкой. Отец Сергей скрепя сердце уселся за стол писать письмо владыке Макарию. В который раз брался он за него, но всякий раз откладывал перьевую ручку после слов «Высокопреосвященнейший Владыка, Архипастырь и Отец! Пишет Вам смиренный послушник, священник Сергей Ивановский...» Слова эти, пропитанные канцелярской мертвенностью, ложась на бумагу, и вовсе утрачивали всякий смысл.

Отец Сергей оторвал взгляд от письма и подавил тяжелый вздох. В окне ждал его обыкновенный вид — двор, забор и два деревянных дома. Вроде дома как дома, но на них-то ему смотреть было больше всего. Отчего оказались они именно здесь — бок о бок с его приходом? Неужели чтобы мучить, истязать своим неуступным видом, первобытным упорством и гордыней? Пять лет стояли они перед его взором — неприступно и чуждо.

Хозяевами в тех домах были братья Абек и Пергал. Жили они по местному укладу крепко, зажиточно. У каждого большое

семейство, свое хозяйство, всяк в Чолукое их уважал, иные из сельчан даже обнажали при них головы. С отцом Сергием братья как будто пребывали в добрососедских отношениях, никогда не чинили ему зла, однако и в храм не ходили — держались старой веры. Когда священник бывал в отъезде, по ночам, из домов их порой слышались гул бубна и шаманские заклятья.

Стук в дверь. Отец Сергей отложил письмо, зная, что нынче уже не вернется к нему.

— Войдите!

На пороге стоял Абек, одетый в чамчу¹ по татарскому² обычаю. В руках он смущенно мял кошемную³ шапку.

— Здравствуй, абыз! — сказал он, глядя куда-то в сторону.

Ивановский сморщился, как от зубной боли. Абызом могли назвать и православного иерея, и проповедника-ламаиста, муллу и шамана-кама. Ждал он другого...

— Ну здравствуй, как живешь? — произнес священник с досадой.

— Ничего, ладно живу. Вот только... глаза всё болят. Не знаешь ли какого лекарства?

Отец Сергей скрыл улыбку. Не за этим пришел Абек. Видно, стряслось что-то серьезное, но не в обычае местных заводить важный разговор «вдруг». Нужно было подыграть.

— Попробуй примочку из шипичного цвета⁴, — сказал священник. — В здешних местах — самый верный способ.

Наступило недолгое молчание. Неловко потупившись, Абек переминался, комкал в руках шапку, подыскивая нужные слова.

— Да вот еще какое дело... — сказал он наконец. — У Пергала сын заболел. Жена его, Кайан, уже много дней не спит. Послала

¹ Чамча — здесь: мужское летнее платье.

² До революции русские звали представителей северных алтайских народов «татарами», южных — «калмыками».

³ Кошма — здесь: тонкая войлочная ткань.

⁴ Шипица — шиповник.

за камом⁵, но тот всё никак не приедет. Помолишься о нем святому Пантелеймону?

Вот оно. Ивановский вложил в свой взгляд всю строгость:

— Тааак, значит... Я, стало быть, помолюсь о нем святому Пантелеймону, а вы опять — своим шайтанам?

— Да я всё уговариваю Пергала креститься, а он...

— А он... А ты сам-то? — отец Сергей искал взгляд Абека, но тот все время ускользал — то в красный угол сбежит, то на стену, то уткнется в пол. Нужно действовать до конца — другой возможности могло и не быть.

— И я... я тоже думал креститься, — потемнев лицом, пробормотал гость.

— Думал-думал — и раздумал?

— Мне бы это... наперед избу освятить.

— Вот еще новости! — всплеснул руками отец Сергей. — На что это тебе?

А про себя подумал: тут-то, видно, и дошел разговор до самого главного. С Абеком, между тем, произошла разительная метаморфоза. Он побледнел, весь как будто пошел мелкой дрожью, даже голос понизил:

— Абыз... такое дело. Страшно нам. Шайтан стал ходить по ночам в избе! Когда свет не гасим, он вокруг избы ходит, стучит...

Ну вот — опять они со своими суевериями! Чуть что — сразу шайтан виноват. За годы, проведенные в суровом и диком краю, наслушался отец Сергей разных быличек и бывальщин. Иные из них будоражили его воображение, но полученное в училище образование не позволяло ему довериться вполне этим рассказням.

— Скотина твоя и стучит. Ступай себе, — буркнул отец Сергей, не сводя, однако, глаз со своего гостя.

Тот и вовсе поник. Видно было, что не первую ночь пытался он успокоить себя и близких простым этим объяснением.

⁵Кам — алтаский шаман.

— Не было скотины, абыз, мы ее возле дома не держим, — промолвил он.

— Если это и вправду шайтан, ну что ж, чему удивляешься? Сами же его и призвали своим камланием.

— Покрещусь! Ей-ей покрещусь! — выпалил Абек. — Только сперва с женой поговорю...

— Пять лет уж говоришь, — отмахнулся отец Сергей.

— Нет, я буду креститься! Только святи, батюшка, святи дом!

И... помолись за маленького Канакая!

— Ты пойми: освятить дом недолго. Да вот толку-то?

Абек развел руками, развернулся и вышел вон, оставив отца Сергия в раздумьях.

После службы псаломщик рассказал, что жена Пергала Кай-ан, не дождавшись кама, решила камлать сама. Этого отец Сергей стерпеть уже не мог. «Загляну-ка я к ним вечером, — подумал он. — Посмотрю, что у них за дела». Оставшийся день священник усердно молился, унимая тревогу. Идти к Пергалу было опасно, но более ждать он не мог. «Предстоит мне брань духовная, — говорил он себе. — Не убоюсь я темных этих людей. Для того к ним и послан, чтобы словом Христовым наставить на путь истинный».

На закате псаломщик привел четверых крещеных инородцев, для подмоги. Пергал долго не хотел открывать. Еще на пороге учуял отец Сергей запах шаманских трав. Наконец, уговоры и увещевания его возымели успех и дверь отворилась.

Тени метнулись прочь, удушье от чародейских трав стиснуло грудь отца Сергия. На стене висел камский бубен, с него на священника взирало трехглазое лицо. В избе было немалое собрание — человек десять, все из некрещеных «татар». При виде священника иные из них отвернулись, иные потупили взоры, словно от стыда. Сам хозяин дома отступил, бормоча что-то под нос. Ивановского охватило негодование. Впервые явственно ощутил он присутствие врага — не уловимого взглядом, не имеющего формы, отравившего сердца и умы несчастных этих людей. Он был тут, несомненный, хоть и невидимый.

— Что вижу я здесь, Пергал? — произнес священник. — Как решаетесь вы осквернять призыванием дьявола место, которое освящено самим Богом во святых Его? Разве вы не знаете,

что в нашем храме почивают святые нетленные мощи угодников Божьих. И как вы не боитесь оскорблять Господа?

Перед ним возникла Кайан с ребенком на руках. На ней было чародейское платье, украшенное бубенцами, колокольчиками и раковинами каури⁶.

— Посмотри, абыз. Вот — мой единственный сын... он умирает! Я камлаю, чтобы сын мой был здоров. Я хочу, чтобы Эрлик⁷ отозвал своих духов.

— Поэтому ты взываешь к трехглазому своему дьяволу?

— Я ставила свечи в храме, но твой Бог не утешил меня.

— Помни, что ты не христианка, а дружбой своей с шайтаном и вовсе оскорбляешь Бога. Он не внимает тебе, но через болезнь ребенка хочет, чтобы ты познала Его. Он исполнит прошение, только если ты станешь воистину дочерью Его.

Слова эти, будто молотом опускались на голову несчастной женщины. Отец Сергей чувствовал, что наставления его звучат слишком сурово, но отступать было нельзя. Мертвые глаза подземного божка Эрлика смотрели на него с бубна. За спиной священника оживились крещеные инородцы:

— Чин! Чин! Мы знаем, что в Чолукое крестился Филипп Шадев, он до того на ногах не ходил, а теперь ходит, работает! Тадышев и Тадыков молились святому Пантелеймону и получили здоровье.

Ропот прокатился по собранию язычников. Этим моментом нужно было воспользоваться. Отец Сергей усилил натиск.

— Ты слышишь, Кайан, что говорят люди. Бог силен воздвигнуть твоего сына от болезни. Сам святой Пантелеймон будет ходатайствовать за тебя и за него...

— Хорошо, я приму это испытание, — голос Кайан звучал уже не так решительно. — Если святой Пантелеймон даст здоровье сыну, то я окрещу его и сама покрещусь.

⁶Каури — раковина морского моллюска, издревле (с бронзового века) пользовалась популярностью у азиатских кочевых народов, на Алтай попадала благодаря товарообмену.

⁷Эрлик — в алтайской мифологии божество нижнего мира, преисподней.

— Покрещусь тогда и я, — добавил Пергал.

Отец Сергей смотрел на супругов с сомнением. Многожды обманывали его язычники, даже и получив желаемое, забывали про свое обещание. И теперь, кажется, попал он в их западню. Священник попытался вновь пойти в наступление:

— Опять проявляешь сомнение. Зачем искушать Бога?

— Јок! Јок⁸! — вскричала Кайан с прежним упорством. — От своего обещания я не откажусь, но и более не уступлю! — Ребенок зашевелился на руках ее, застенал от боли.

Отец Сергей отступил. Вернувшись к себе и оказавшись в постели, он еще долго не мог уснуть. Враг по-прежнему был близко — за приходской оградой. Кожей своей чувствовал миссионер исходивший от него могильный холод. Почти до самого рассвета думал он о людях, что остались во власти врага.

Наутро же в дверях вновь появился Абек. Видно, он тоже дурно спал — сунулся весь и выцвел, как стиранный войлок.

— Здравствуй, абыз, ты вчера был у Пергала? — спросил он тихо.

— Ну был, — кивнул отец Сергей.

— Опять стучал шайтан, — признался Абек. — Мы разожгли огонь, вышли во двор, а там никого. Да и не могло быть никого...

Отец Сергей тяжело вздохнул:

— Да пойми, Абек: шайтану не изба нужна, а душа бес- смертная, которую ты не желаешь предать в руки Иисуса Христа. Пока сам не вразумишься, шайтан твой никуда не денется. Как помрешь — приберет к себе, но не на радость, а на муки и неугасимый пламень. Сам ты свой дом превратил в жилище дьявола.

— Я... я поговорил с женой, мы готовы креститься хоть завтра!

Слов этих отец Сергей ждал целых пять лет.

— Слава истинному Богу! — воскликнул отец Сергей.

— Кудайга Баш⁹! — кивнул Абек.

⁸ Јок – «Нет!» (алт.)

⁹ Слава Богу! (алт.)

С того утра минуло несколько дней, и вновь отец Сергей взялся за злополучное письмо. Теперь, однако, дело пошло куда как бодрее — новости были хорошие:

«Пишет Вам смиренный послушник, священник Сергей Ивановский. С радостью сообщаю, что дело мое относительно просвещения семей Пергала и Абека продвинулось значительно. Когда Абек с женой были обучены необходимым знаниям христианской веры, то первый из них крещен мною с именем Амвросия, а вторая — с именем Анны. После мной совершено и освящение их дома с молебным пением в нем»...

Только священник поставил точку, как в дверь постучали.

— Войдите! — вздохнул отец Сергей, откладывая письменные приборы.

Через порог переступила сияющая Кайан с младенцем на руках. За спиной ее переминался с ноги на ногу Пергал. В руках у него были деревянные идолы.

— Абыз... — взволнованно сказала Кайан. — Батюшка! Наш сын здоров, благодаря твоим молитвам.

— Он здоров по воле Божией, — кивнул отец Сергей.

— Я помню свое обещание. Мы с мужем хотим принять святое крещение.

— Сожгите наши ярты-чалу¹⁰, — добавил Пергал. — Нам они теперь ни к чему. Искушение одно...

Сердце отца Сергея трепетало. Он встал из-за стола, от волнения чуть пошатнулся. Глаза его нашли лица Кайан и Пергала. Они больше не отводили взгляд.

— Дети мои, — сказал он, чувствуя как защекотало в носу, а на глазах навернулись горячие, счастливые слезы, — как долго ждал я этого дня.

Он бросил взгляд на окно. Враг ушел, расточился, исчез. Летнее солнце озаряло крыши домов Абека и Пергала

— Слава Богу! — сказала Кайан.

Кудайга Баш! — улыбнулся отец Сергей.

¹⁰ Ярты-чалу — домашние родовые идолы у алтайских народов.